

ностью блуждать по тушикам и лабиринтам. А русская литература не прощает оторванности от быта. Не принимаются на нашем черноземе столь экзотические цветы. Всему есть историческое возмездие. Вот увидите: не мудрый, но честный писатель Куприн переживет громкую славу Андреева, и мало кто об этом пожалует...

Отрывок из воспоминаний В. А. Рождественского «В Петрограде, у А. М. Горького». Впервые опубликовано: «Звезда», 1944, № 4; вторично: там же, 1959, № 3 (часть, касающаяся Андреева, дана в несколько измененной редакции). С сокращениями вошло в кн.: Всеволод Рождественский. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М.—Л., «Советский писатель», 1962, стр. 177—178.

Воспоминания в целом относятся к январю 1914 г., времени приезда Горького с Капри в Россию.

Всеволод Александрович *Рождественский* (р. 1895) — советский поэт и переводчик произведений Т. Готье, Беранже, Соути, Леконта де Лилия; автор стихотворных сборников «Золотое веретено», «Окно в сад», «Земное сердце» и др.

16. Ф. Н. ФАЛЬКОВСКИЙ

...Ключок земли на финской скале стал миром Леонида Андреева, его родиной, его очагом; сюда он собрал свою многочисленную семью, свои любимые вещи, свою библиотеку и из этой добровольной тюрьмы он очень неохотно, только по необходимости, выбирался на несколько дней по делам своих пьес в Петербург или Москву и один только раз за все время, что я знал его, за границу — в Италию. Где бы он ни находился, он рвался обратно в *свой* дом, роскошно, уютно обставленный, с сотнями любимых мелочей, из которых каждая невидимой нитью тянулась к его мозгу и сердцу, крепко и властно держа и этот мозг, и это сердце в этой причудливой паутине.

Вываться из этой паутины, взмахнуть широкими крыльями, щедро отпущенными ему природой, орлиным взором окинуть жизнь у Андреева не было и физических сил. У него было большое отцовское сердце (он умер точь-в-точь как его отец), расшатанная запоем (особенно в молодые годы) воля и столь развинченная нервная система, что врачи при страховании его жизни дали безотрадный отзыв о состоянии его организма (<...>

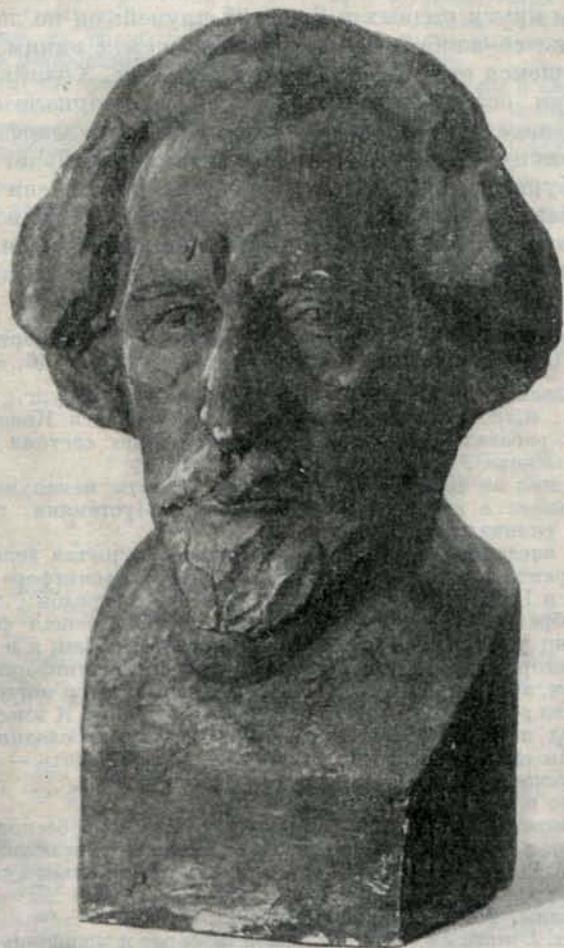
Приглашение Андреева главным редактором «Русской воли» и огромный оклад в 60 тысяч рублей заставили его снять в Петербурге временную квартиру. Здесь застала его революция, которую он принял так же, как и вся передовая русская интеллигенция, то есть восторженно.

Эта интеллигенция, как известно, крепко держалась <...> тротуаров¹ <...>

Леонид Николаевич и на тротуар не вышел. Он остался в своем кабинете на Марсовом поле и здесь целыми днями, не отрываясь от телефона, жадно выслушивал подробности всего того, что происходило на улицах, на митингах, на собраниях. Целыми днями, ночами, в мягком кресле, не отрываясь он от телефона, выслушивая донесения друзей и сотрудников своей газеты. Но события с улицы стали переноситься в дом, пули стали залетать в окна, и Леонид Николаевич перешел в свой райволовский дом, чтобы оттуда продолжать свои наблюдения. Революция отрезала Финляндию от России и вместе с нею отрезала от России и Леонида Андреева. Леонид Андреев не покинул тотчас Финляндии, ставшей «заграницей», не потому, что не принял новой революционной России, а только потому, что еще задолго до революции его дача стала его родиной. Будь эта дача, скажем, в Малаховке, — он эмигрировал бы в Малаховку. Такова повесть об эмиграции Леонида Андреева, раздутая заграничной печатью. Андреев не эмигрант; он жил в Финляндии за пятнадцать лет до революции и остался в ней <...>

К моменту бегства Андреева из Райволо, в Тюресеве уже образовалась колония беженцев из России. Андреев был принят в семью эмигрантов,

как эмигрант и враг советской власти, то есть необычайно радушно. Леонид Андреев, всегда презираемый банкирами и графами, как автор «Бездны» и «Царя-Голода», был принят в семью этих графов и банкиров как равный. Несчастье сближает. Но графы и банкиры ухватились за Леонида

АНДРЕЕВ

Скульптура (гипс) Н. А. Андреева, 1904—1905 годы

Третьяковская галерея, Москва

Андреева и по другой причине: имя популярного писателя, непризнающего советского строя, можно было бросить в Европу как доказательство того, что масса не с большевиками; имя «революционера» Андреева могло сказать этой Европе и, пожалуй, как «там» надеялись, самой России, что большевики ничего общего не имеют с истинной революцией (...)

Это была первая смерть Леонида Андреева.

Смерть большого писателя моральная, смерть слабого, но замечательного человека, предвидевшего революцию, звавшего ее с необычайной

силой и кричавшего о «язвах» жизни истерично и конвульсивно голосом юродивого, оцепеневшего от ужаса перед тем, что открывалось взору <...>

От этой смерти Андреев стал медленно просыпаться.

<...> Был вечер у одного из соседей. Карты, речи, ужин, опять карты и опять речи. Не помню, почему в этот вечер было уделено много злобы, угроз и брани Горькому. Леонид Николаевич хмурился и молчал. О Горьком он вообще избегал говорить и своими впечатлениями о нем он делился только в тесном кругу родных и близких друзей: он не любил Горького и говорил о нем не со злобой, а с разочарованием, с каким говорят о друге, о брате, предавшемся врагу. Говорили о Горьком. Хозяйка дома, крикливая накрашенная особа, шумно встала с места, сорвала с полки статуэтку Горького и на его место поставила уродливую фарфоровую фигурку городского, крикнув при этом: — Так было, так будет!

Раздались бурные аплодисменты. Леонид Николаевич молча поднялся, как-то особенно задержался своим черным острым взглядом на лице хозяйки, перенес этот взгляд на присутствовавших и, сильно побледневши, вышел из комнаты и ушел к себе. Больше месяца он не переступал порога этой дачи...

Отрывок из воспоминаний Ф. Н. Фальковского — «Предсмертная трагедия Леонида Андреева. (Из воспоминаний)». — «Прожектор», 1923, № 16, стр. 27—30.

Федор Николаевич *Фальковский* (1874—1942) — драматург, автор пьес: «Сын жизни», «В огне», «Строители жизни», один из владельцев Нового драматического театра, рецензент; работал с Андреевым в «Русской воле», состоял с ним в дружеской переписке (не разыскана).

Фальковский жил по соседству с Андреевым и почти накануне смерти писателя пригласил его вместе с семьей к себе на дачу, в Мустаямки, где Андреев через несколько дней и скончался.

Фальковский касается тех дней, когда Андреев испытал величайшее разочарование в белоэмигрантах, пригласивших его к себе в Гельсингфорс для переговоров о работе: «Он уехал в Гельсингфорс бодрый, с какой-то надеждой <...> Через две недели он вернулся обратно. На его лице была смерть... Настоящая физическая смерть, которая через месяц унесла его в могилу. Что произошло там, я в точности и доныне не знаю, но я категорически подтверждаю, что там, в Гельсингфорсе, он получил удар в самое сердце. Там, в Гельсингфорсе, он впервые столкнулся с той настоящей зарубежной Россией, увидел ее лицом к лицу и потерял в нее веру. И вместе с этой верой он потерял почву под ногами. С лица его с этого момента не сходили растерянность и отчаяние <...> Мы сидели на берегу. Близко — рукой подать — сверкал на солнце купол Кронштадтского собора.

— Как близко и как далеко...

— Да, — повторил он, как эхо, — бесконечно близко и бесконечно далеко.

И в глазах его, в этой черной андреевской «Бездне», отразилась вся боль по этой близкой и далекой России. Боль, разбудившая его от моральной смерти и разорвавшая его сердце.

— Ваши планы, Леонид Николаевич?

— Их уже нет. Вместо людей я там нашел шулеров и мошенников. Что ни шаг, то панамы. Сколько позади погубленных из-за этих мерзавцев молодых жизней, сколько пролито крови и сколько еще прольется. Несчастливая Россия...

— Что же вы намерены делать дальше?

— Не знаю. Уеду в Европу, в Америку. Оттуда виднее будет. Буду говорить о России, буду читать лекции.

— О большевизме?

— Да. Там, может быть, я его пойму.

Автор воспоминаний — один из немногих литераторов, кто видел и наблюдал Андреева в последние дни его жизни. Поэтому так ценно его свидетельство. Фальковский рассказывает:

«Я рылся в книгах, когда вдруг увидел перед собой Леонида Николаевича в пальто, с биноклем в руках. Он дрожал.

— Что с вами?

— Был на башне. Туманно. Искал Кронштадт и не нашел. Не нашел...

На другой день он умер.

На руках своей семьи, без графов и банкиров, в глубокой нищете.

За все время его пребывания в Финляндии — мне это доподлинно известно — рука его не коснулась ни одной копейки из того обгащенного братской кровью золота, которое сыпалось в карманы всех тех, кто примазывался к белому движению.

После его смерти во всем доме нашлось восемь финских марок».

С воспоминаниями Фальковского очень схож рассказ поэта и журналиста Льва Марковича Василевского (1874—1936) о встрече с Андреевым в 1918 г.: «Вообще это было у Леонида Николаевича полосой необычайно острого ощущения себя русским: национальное чувство, сознание унижения русского имени мучили и терзали Андрея невыносимо.

⟨...⟩ Целые дни он то прислушивался, то смотрел через подзорную трубу на противоположный, русский берег, через залив, и как раз в тот день, когда я его посетил, он был прямо потрясен грохотом с форта Ино: русские матросы, выбитые оттуда белыми финнами или, вернее, их поработителями, немцами, были вынуждены покинуть последнюю крепость в Финляндии. Уходя, они взорвали форт.

Нельзя передать, как тяжело это подействовало на мрачное и без того настроение Леонида Николаевича. В грохоте взрываемых стен форта его воспаленному чувству чудилась — символически — гибель всей устойчивой России и впереди ему мерещился сплошной хаос и, конечно, разрушение...» (сб. «Утренники», кн. 2. Пб., 1922, стр. 105—107).

¹ Фальковский имеет в виду разобщение интеллигенции с народом*.

* О т р е д а к ц и и. Кроме напечатанных выше воспоминаний о Горьком и Андрееве, сведения об их взаимоотношениях содержат и воспоминания: П. Н. Андреева, М. Ф. Андреевой, Н. Н. Асеева, А. Е. Богдановича, Л. М. Василевского, В. В. Вересаева, А. М. Деборина, В. А. Десницкого, А. А. Золотарева, Н. И. Ивановича-Новикова, Е. П. Карпова, Л. Н. Клейнборта, С. Я. Маршака, В. А. Поссе, Д. Н. Семеновского, С. Н. Сергеева-Ценского, Н. Сереброва (А. Н. Тихонова), С. Г. Скитальца, Н. Д. Телешова, А. А. Треплева (Смирнова), М. Л. Тривуса, В. С. Цыцарина и К. И. Чуковского.